

Господин Горбачев, откройте эти ворота. Господин Горбачев, снесите эту стену!» До падения Берлинской стены оставалось 2 года, 4 месяца и 28 дней. И к ее обрушению Михаил Горбачев имел лишь опосредованное отношение. Главными героями этой истории стали безвестные до того времени подполковник пограничной службы ГДР, журналист одного не самого влиятельного в мире информационного агентства и секретарь ЦК СЕПГ, бывший до тех пор посмешищем для всей Германии — уж очень нуден и подбострастен он был.

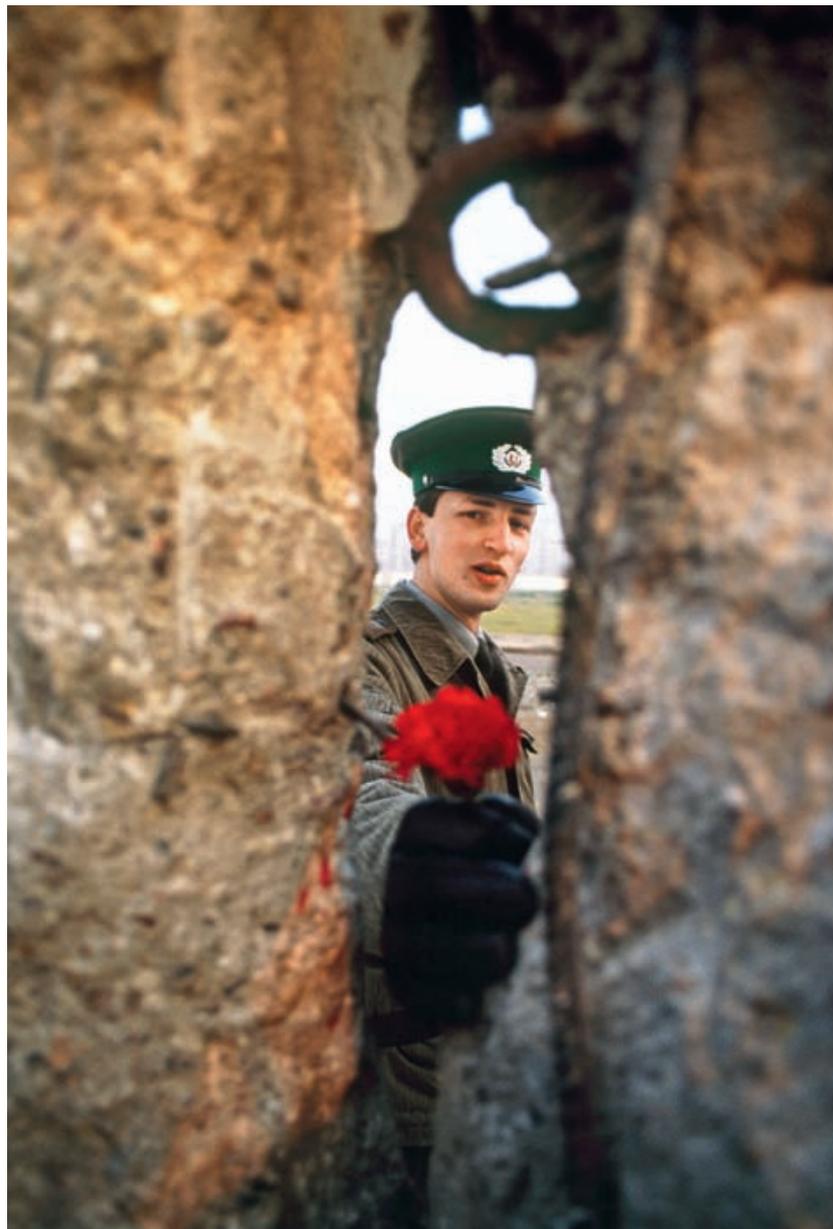
Восточный Берлин.

Борнхольмерштрассе.

9 ноября 1989 года. 23.30

«Их слишком много! Мы все открываем!». Этот отчаянный крик подполковника Харальда Йегера ознаменовал окончание его дежурства на КПП «Борнхольмерштрассе» и заодно падение Берлинской стены. Приказав подчиненным поднять шлагбаумы и открыть ворота, подполковник наблюдал, как тысячи собравшихся у КПП жителей Восточного Берлина устремились на Запад под лучами прожекторов, привезенных десятками съемочных групп по обе стороны стены. Вскоре уже весь город знал, что КПП на Борнхольмерштрассе перестал работать. Вслед за ним прекращали свою работу и другие КПП. А многокилометровое сооружение, на которое в Берлине никто и не глядел без содрогания и ненависти, уже находилось в распоряжении горожан, вооружившихся баллончиками с краской, лопатами и кирками. Стена перестала существовать.

Позже подполковник Йегер говорил, что вовсе не собирался становиться героем и уж точно, идя утром на дежурство, не знал, как оно закончится. Большая половина дня прошла достаточно спокойно — для города, митинги и демонстрации в кото-

— Солдат армии ГДР протягивает цветок через стену, 10 ноября 1989 года

ром стали событием ежедневным и почти обыденным. Однако ближе к концу дня к КПП начали стягиваться люди, требовавшие пропустить их в Западный Берлин и говорившие о каких-то новых правилах пересечения границы. Йегер начал звонить коллегам с других КПП, начальству и везде слышал одно и то же: «Мы ничего не знаем, нам никто ничего не говорил, включи радио». Отсутствие документов или распоряжений, впрочем, компенсировалось обилием информации, которой снабжали жителей столицы ГДР западноберлинские радиостанции. Как и прочие пограничники, именно из новостей Западного Берлина Йегер узнал о том, что, оказывается, внутригерманских границ больше нет. Оставалось только решить, что в связи с этим делать. Ведь исчезновение границ никак не было отражено в документах. «Говорили, что есть постановление политбюро, — вспоминает Йегер. — Но нам нужно было что-то менее эфемерное и более знакомое». Такое, как приказ главы пограничной службы Германии или, что еще лучше, распоряжение министра государственной безопасности. Таких документов не было. «Мои собственные ребята спрашивали меня, что делать, — вспоминает Йегер. — Народу становилось все больше и больше, о том, чтобы даже попытаться их разогнать, не могло идти и речи: они бы нас просто задавили». В итоге оказалось, что у подполковника, которого позже причислили чуть ли не к национальным героям, просто не осталось выбора.

Тем не менее Йегер не зря дослужился до звания подполковника. Оставленный на произвол судьбы начальниками, Харальд Йегер заручился поддержкой подчиненных: «Я вызвал всех к себе в кабинет и спросил, что мне делать. „Ты командир, тебе и решать“, — ответили мне. Я спросил, стоит ли открыть пропускной пункт и выпустить всех, кто этого хочет, или стрелять по всем, кто попытается нарушить границу. Я лукавил, у меня был четкий приказ не открывать огня иначе, как в случае самообороны, но я хотел, чтобы это было

— Bell & Ross, WW1 Regulateur, 2014

— Bell & Ross, Vintage BR 126 Falcon, 2014

не только моим решением. Мне ответили: „Только не огонь!“ После этого я позвонил своему начальству и сказал, что открываю КПП».

Восточный Берлин. Моренштрассе.

Международный пресс-центр.

9 ноября 1989 года. 18.00

Массовый поход жителей Берлина к стене, а граждан прочих немецких городов к границе с ФРГ спровоцировал — вольно или невольно — человек по имени Рикардо Эрманн, берлинский журналист итальянского государственного информагентства ANSA, присутствовавший на дежурной пресс-конференции высокопоставленных партийных и государственных чиновников ГДР.

Вел пресс-конференцию вновь назначенный секретарь ЦК СЕПГ по информации Пюнтер Шабовски. Прославился он тем, что в бытность свою главным редактором центрального органа партии, газеты «Нойес Дойчланд», сумел в одном номере опубликовать более 20 фотографий партийного лидера Эриха Хонеккера. В остальном же он считался скучнейшим из партийных бонз Восточной Германии. Занудный рассказ о принятых утром на заседании политбюро решениях по партийной реформе был неожиданно прерван итальянским журналистом. До этого Шабовски, перечисляя разнообразные изменения в жизни ГДР, упомянул и коррективы в законодательстве о передвижении. Эрманн спросил, насколько облегчат эти новые правила возможность поездок граждан ГДР в Западную Германию и Западный Берлин.

Шабовски, как оказалось, не был хорошо знаком с документом. Поэтому на вопрос журналиста о том, когда именно новые правила вступают в силу, секретарь ЦК, впервые, надо сказать, выступавший на пресс-конференции перед иностранными журналистами, ляпнул: «Немедленно, сейчас же». И это даже при том, что в течение предыдущих пяти минут он говорил лишь о решении политбюро выйти в совет министров с предложением о либерализации. То есть фактически признавал то, что при-

— «Армейские» стальные часы Vacheron Constantin, 1905